

Шайтанов И. О. «Непроявленный жанр» или литературные заметки по мемуарной форме // Вопросы литературы. 1979. № 2. С. 50–77.

Mukailova Z. G. «Notes» of Princess Natalia Borisovna Dolgoruky as a portrait of a woman's soul

Abstract: the article is devoted to the development of Russian memoir literature of the XVIII century. The focus of the «Notes» by N. B. Dolgoruky, which are a kind of diary of the female soul, through the prism of which a private person, and the world as a whole, and the complex era of palace coups of the XVIII century are seen

Keywords: Russian memoiristics, female soul, love, fate, notes, diary, XVIII century, Dolgoruky, Sheremetevs.

И. А. Качков

(научный руководитель – доктор филологических наук Н. В. Пращерук)

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

Литературно-эстетические взгляды В. Ф. Одоевского 1830-х годов (на материале записных книжек писателя)

Аннотация: автор исследует эволюцию взглядов В. Ф. Одоевского, реконструируя их с помощью обращения к записным книжкам писателя как исходному пункту зарождения творческой мысли. Через сопоставления изначальных идей с их последующей реализацией удастся показать, как в процессе создания произведения происходят трансформации эстетических представлений – от их развития и воплощения в реальном тексте до полного отказа от первоначальных убеждений.

Ключевые слова: В. Ф. Одоевский, записные книжки, «Русские ночи», эстетические взгляды, романтизм, музыка.

Наследие князя Владимира Федоровича Одоевского в области художественной литературы достаточно велико и заслуживает внимания само по себе, однако исследование его таланта желательно совмещать с изучением его теоретических трактатов и литературно-критических заметок. Причина проста: в этих работах он либо четко обозначает те эстетические принципы, которые желал бы воплотить на практике, либо дает обоснование тому, что уже им осуществлено и выпущено в свет. И самый яркий пример в данном случае – роман «Русские ночи», с которым можно связать как минимум 7 теоретических трактатов и заметок Одоевского¹. Однако эти работы либо были опубликованы при жизни автора, либо готовились к публикации и существовали в виде черновиков, а это говорит о том, что там мысль писателя уже была сформирована.

Таким образом, перед нами формируются три очевидных звена логической цепочки: теоретическое обоснование эстетических взглядов – реализация этих взглядов на практике – защита этих взглядов. Однако в данной работе мы предлагаем посмотреть на еще одно звено, которое предшествует всем остальным. И это звено – записные книжки, в которых только появляются те или иные разрозненные идеи, еще даже не оформившиеся в цельную систему. И ответом на вопрос об их значимости могут стать слова самого Одоевского: «Я не могу читать книги без того, чтобы она не порождала в голове моей тысячи мыслей, часто весьма далеких от предмета книги, и потому обыкновенно, читая, я

¹ Самую очевидную связь с романом имеют следующие работы: «Примечание к "Русским ночам"»; «Русские ночи, или О необходимости новой науки и нового искусства»; «Наука инстинкта. Ответ Рожалину»; «Психологические заметки»; «Ответ на критику»; «Элементы народные»; «Организм».

пишу, что мне приходит в голову, и в этих отрывках находится наиболее оригинального нежели в других моих трудах» [цит. по: Сакулин 1913: 455].

Записные книжки Одоевского периода 1830-х годов впервые стали доступны исследователям только в составе работы П. Н. Сакулина «Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель» 1913 года, хотя там они были опубликованы в сокращенном варианте. Полный вариант вышел в свет уже в составе второго тома «Русских эстетических трактатов» 1974 года. Потом они печатались в сборнике «О литературе и искусстве» 1982 года, по которому будут приводиться цитаты в нашей работе и куда вошли многие другие теоретические и литературно-критические труды Одоевского. Однако широкой известности эти записи так и не получили, особого значения в среде исследователей им не придали, из-за чего сейчас сама фраза «записная книжка В. Ф. Одоевского» стала в первую очередь обозначать знаменитый подарок писателя М. Ю. Лермонтову, а не сокровищницу его собственных сокровенных мыслей. Рассмотрим и прокомментируем некоторые из них.

Запись от 16 мая 1830 года озаглавлена «Поэзия и философия», и в ней Одоевский фиксирует мысли о насущной для него, бывшего любомудра, проблеме – соотношении этих двух начал. И приходит к выводу, что «поэт и философ одно и то же. Они развиты лишь по индивидуальным характерам лица, один стремится извергнуть свою душу, вывести сокровища из их таинственного святилища, философ же боится открыть их взорам простолюдинов и созерцает свои таинства лишь внутри святилища» [Одоевский 1982: 33]. Однако они оба обращены даже не к загадке человека в целом, а к загадке души – просто решают ее по-разному. И тут Одоевский впервые высказывает ту мысль, которая будет лейтмотивом проходить через «Русские ночи» и посвященные этому роману трактаты: он говорит, что «в религии соединяется и то и другое» [Одоевский 1982: 33].

Эта фраза, корни которой, вероятно, уходят даже не в философию Шеллинга, а в размышления Франца Ксаверия Баадера¹, потом превратится в патетические высказывания в духе: «в святом триединстве веры, науки и искусства ты найдешь то спокойствие, о котором молились отцы твои» [Одоевский 1975: 149]. Между этими двумя цитатами пройдет 13 лет («Русские ночи» впервые опубликованы в 1843 году), однако от идеи религии как связующего звена философии и поэзии Одоевский сначала придет к мысли об обновлении сфер науки, искусства и любви именно через веру (см. работу «Русские ночи, или О необходимости новой науки и нового искусства»), а потом, уже в самом романе «Русские ночи» выскажет мысль, что только их единство и может спасти и обновить развалины «дряхлой Европы» [Одоевский 1975: 148].

Уже в записных книжках проявляется убежденность Одоевского, что новая эпоха человечества будет именно религиозной, и тогда поэзия и философия вновь сольются в единое целое, как уже было когда-то в прежние времена. Тут нам важны обе идеи.

Во-первых, идея религиозной основы будущей эпохи. В дальнейшем «гибель» Запада и европейской культуры он не в последнюю очередь будет связывать именно с уничтожением религиозного чувства, о чем и напишет в «Русских ночах»: «Религиозное чувство на Западе? – оно было бы давно уже забыто, если б его внешний язык еще не остался для украшения, как готическая архитектура, или иероглифы на мебели, или для корыстных видов людей, которые пользуются этим языком, как новизною. Западный храм – политическая арена; его религиозное чувство – условный знак мелких партий. Религиозное чувство погибает!» [Одоевский 1975: 147].

Во-вторых, важна идея синтеза религии, поэзии и философии, которую Одоевский будет развивать и дальше, добавляя к этому синтезу все новые элементы: науку,

¹ С. П. Шевырев, еще один член кружка любомудров, посвятил ему целую статью в журнале «Москвитянин»: «Франц фон Баадер принадлежит к числу замечательнейших мыслителей Германии современной и занимает первое место между теми, которые задали себе решение важнейшего вопроса: как примирить философию с религией?» [Шевырев 1841: 378].

искусство, любовь. У него рождается свое понимание нравственности, которое подразумевает слияние знания, поэтической красоты и религии (см. трактат «Наука инстинкта»). Понимание новой науки также основано на идее синтеза (Одоевский говорит, что в ней не должно быть деления на предметы, как сейчас – см. трактат «Русские ночи, или о необходимости новой науки и нового искусства»).

Однако особенно ярко идея синтеза проявит себя именно в сфере искусства: «Мы, русские, последние пришли на поприще словесности. Не нам ли определено заменить эпопею, теперь невозможную, драмою, соединяющею в себе все роды словесности и все искусства?» [Одоевский 1982: 31] Это высказывание, опубликованное в 1827 году в небольшой работе «Парадоксы», является едва ли не девизом всего творчества Одоевского, наиболее ярко выраженном в интермедийальном романе «Русские ночи».

По сути, «Русские ночи» и являются этим новым видом драмы, принимающей прозаическую форму, но лишенной четко определенного главного героя. Вобравшей в себя новеллы разных жанров и построенной по аналогии со структурой фуг Баха¹. И именно в «Русских ночах» поэзия и философия оказываются неразрывно слитыми вместе, предвещая таким образом, в понимании Одоевского, наступление новой эпохи в культуре – эпохи синтеза.

Теперь сосредоточимся именно на отношении Одоевского к искусству и поговорим о записи 1832 года, названной «О способах выражения идеи». В ней идет речь о том, что выражение идей словами практически невозможно: «объясните мне словами чувство благоговения, объясните мне чувство восторга – вы их понимаете, хотите ли выразить их словами – и существенная их часть улетает как жизнь под анатомическим ножом, вы видите ряд слов как геометрическую бесконечную прогрессию, которой не можете отыскать последнего члена» [Одоевский 1982: 37]. Следовательно, для выражения подобных понятий нужен иной язык. Одоевский определяет его главное свойство как «неопределенность»: «Это свойство мы замечаем в стихотворстве, еще более в живописи, еще более в архитектуре, еще более в музыке. Следственно, язык музыки приближается наиболее к сему внутреннему языку, на котором есть выражение для идей, посему музыка есть высшая наука и искусство. Будет время, когда, может быть, все способы выражения сольются в музыку» [Одоевский 1982: 37].

Перед нами проявление и все большее укрепление идеи синтеза, но уже в другом ключе – теперь не в словесности должны быть объединены все искусства, а в музыке. И мы видим, как возрастает интерес Одоевского к музыке. В 1831 году публикуется новелла «Последний квартет Бетховена», в 1833 году – новелла «Бал», в 1835 году – новелла «Себастьян Бах». А сами «Русские ночи» получают черты, присущие не только литературным, но и музыкальным жанрам. Все это можно объяснить влиянием романтизма в целом и Гофмана в частности, однако здесь нам важнее показать, как последовательно Одоевский развивает свои убеждения, а не откуда он их заимствует. Впрочем, оставаться до конца верным своим взглядам удастся ему не всегда.

Несовпадение эстетических замыслов и их реализации настигает Одоевского в те же 1830-е годы. В его записных книжках есть запись, озаглавленная «Классицизм и романтизм». Одоевский рассуждает о разнице в подходах к созданию произведения. Он пишет: «Главнейшая ошибка теории классицизма состояла в том, что по оной сочинитель должен был не прежде приступить к сочинению, <как> охолодевши и рассчитывая все его части математически» [Одоевский 1982: 37]. Однако вместо ожидаемого противопоставления рассудочного классицизма чувственному романтизму он начинает упрекать и самих романтиков в том же рассудочном подходе: «Наши романтики, думая, что они освободились от цепей классицизма, не придерживаясь его правил, не освободились от привычки к предшествующим расчетам. Как жалок Шатобриан, когда он

¹ Подробнее о музыкальной структуре «Русских ночей» см. работу А. А. Хаминовой «Роман В. Ф. Одоевского "Русские ночи" в аспекте интермедийального анализа».

силится доказать, что в своих "Les Martyrs" ни одно его действующее лицо не скажет слова, не покажет носа без предварительного его расчета, и как оттого скучна его прекрасная по предмету поэма. Что бы вы сказали о музыканте, который вместо того чтобы писать прямо партитуру, стал бы наперед отыскивать привычные пассажи на каждом инструменте оркестра? Сочинение было бы, может, очень правильно, но куда бы делся огонь – жизнь сочинения!» [Одоевский 1982: 37–38].

Обратим внимание, что Одоевский для иллюстрации своих примеров снова обращается к музыке и – более того – именно там находит образец для подражания: «Бетховен писал партитуру прямо, пораженный своею мыслию, и невольно, сам не зная как, порождал новые эффекты инструментов, прежде ему самому не известные. Пораженный сильным впечатлением, должен писать тотчас, немедленно, и из его земной мысли разовьются новые явления, для него самого неожиданные, проявившиеся в индивидуальности его духа» [Одоевский 1982: 38].

Однако сам Одоевский не всегда мог следовать примеру своего кумира – и это доказывают простые факты: к изданию «Русских ночей» он шел около 10 лет. Как известно, история создания романа тесно связана с другим замыслом Одоевского – «Домом сумасшедших», о скором выходе которого он заявил еще в 1833 году в предисловии к «Пестрым сказкам»¹. Однако в процессе сбора материалов замысел менялся, и, судя по количеству этой подготовительной работы, сам Одоевский явно не следовал одному только поэтическому вдохновению. Огромное количество энциклопедических фактов, композиция произведения, идейное содержание – все это требовало огромной работы. Учтем и тот факт, что даже после выхода романа в свет Одоевский не остановился на достигнутом и уже в начале 1860-х начал подготовку переиздания «Русских ночей» с правками, вставкой новых текстовых фрагментов и примечаний.

И такая длительная и трудоемкая работа велась не только над «Русскими ночами». Долгое время существовал слух, о том, как Одоевский, встретившись с Пушкиным и спрашивая его мнение о только вышедших «Пестрых сказках», сказал, что писать фантастические сказки крайне трудно. На это, согласно легенде, он получил ответ Пушкина: зачем вы тогда их пишете? Фантастические сказки хороши, когда написаны легко. Мы намеренно не приводим точные цитаты, поскольку существует как минимум три варианта подобной истории: в изложении В. А. Соллогуба, П. В. Долгорукова и В. Ленца. И хотя сам Одоевский уже в 1860-е этот слух пытался опровергнуть: «такого разговора не было вовсе – и не могло быть – Пушкин сам писал с большим трудом, в чем сам сознавался и чему доказательством черновые стихотворения. – Пушкин уважал меня и весьма дорожил моими сочинениями, и печатал их с признательностью в "Современнике"» [Одоевский 1935: 117], – тем не менее мы видим, что идея творчества «без предварительного его расчета» оказывается неосуществимой. И теперь Одоевский уже не видит в этом совершенно ничего осудительного. В дальнейшем он сам будет помогать молодым писателям – самый показательный пример: именно Одоевский стал для Л. Н. Толстого одним из главных помощников при сборе материалов для «Войны и мира» [Сахаров 1982: 19].

Таким образом, в данной работе мы хотели показать, что записная книжка писателя может стать для него исходной точкой. В дальнейшем он может пересмотреть свои взгляды, развить их до стройной эстетической концепции или столкнуться с неразрешимыми трудностями, которые вынудят его отказаться от своих же убеждений. В случае с Одоевским мы видим все эти возможные варианты.

¹ Подробная история создания романа «Русские ночи» описана П. Н. Сакулиным в его труде «Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель».

Литература

Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве / вступит. статья, составл. и коммент. В. И. Сахарова. М. : Современник, 1982.

Одоевский В. Ф. Русские ночи / изд. подгот. Б. Ф. Егоров, Е. А. Маймин, М. И. Медовой. Л. : Наука, 1975.

Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель. Т. 1. Ч. 2. М. : Изд. М. и С. Сабашниковых, 1913.

Сахаров В. И. Движущаяся эстетика В. Ф. Одоевского // Одоевский В. Ф. О литературе и искусстве / вступит. статья, составл. и коммент. В. И. Сахарова. М. : Современник, 1982.

«Текущая хроника и особые происшествия»: Дневник В. Ф. Одоевского 1859–1869 гг. // Литературное наследство. М. : Жур.-газ. объединение, 1935. Т. 22–24. С. 79–308.

Хамина А. А. Роман В. Ф. Одоевского «Русские ночи» в аспекте интермедиального анализа // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 23–26.

Шевырев С. П. Христианская философия. Беседы Баадера // Москвитянин. 1841. Ч. III. № 6. С. 378–437.

Kachkov I. A. V. F. Odоеvsky's Literary and Aesthetic Views in the 1830s (on the material of the writer's notebooks)

Abstract: the author explores the evolution of V. F. Odоеvsky's views, reconstructing them by referring to the writer's notebooks as the starting point of his creative thoughts. Through the comparison of the original ideas with their subsequent implementation, it was possible to show how, in the process of creating a literary work, transformations of aesthetic representations occur – from their development and embodiment in a real text to the complete rejection of initial beliefs.

Keywords: V. F. Odоеvsky, notebooks, «Russian Nights», aesthetic views, romanticism, music.

Ю. Н. Александрова

(научный руководитель – доктор филологических наук Н. В. Пращерук)

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия

Ф. М. Достоевский в воспоминаниях Вс. С. Соловьева

Аннотация: в статье проанализированы средства изображения образа Ф. М. Достоевского в мемуарах Вс. С. Соловьева. Показано, что, несмотря на близость религиозно-философских взглядов Ф. М. Достоевского и Вс. С. Соловьева, последний не понимает специфики творческого почерка гениального современника, природы его «реализма в высшем смысле». В интерпретации произведений другого автора Вс. С. Соловьев не смог занять позицию вменяемости, отстраниться от собственного писательского опыта.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Вс. С. Соловьев, воспоминания, диалог, философские взгляды, оценка творчества.

В этом году исполняется 200 лет со дня рождения Ф. М. Достоевского. Произведения Ф. М. Достоевского, его философия оставили глубокий след в истории не только русской, но и мировой литературы. Очевидно, что настало время перечитать и по-новому осмыслить не только его произведения, но и контекст «вокруг», мемуары, которые